

Крестный ходъ изъ с. Мангушъ въ Севастополь—Херсонискій и Инкерманскій монастыри.

Для вѣры христіанской и для Церкви православной наступили тяжелыя времена. Непризванные лжеучители, самозванно именующіе себя просвѣтителями, много силъ употребляли и употребляютъ на то, чтобы отторгнуть отъ Церкви чадъ ея. „чтобы прельстить аще возможно, и избранныхъ“ (Мѡ. XXIV гл. 24 ст).

Не только въ городахъ, но и въ селахъ пустиются храмы Божіи; дерзкія хулы и насмѣшки надъ всѣмъ тѣмъ, что издревле составляло святыню каждаго человѣка вообще, а русскаго человѣка, богоносца, въ особенности, считаются теперь какъ бы обязательными для людей легкомысленныхъ и невѣрующихъ, которые эти хулы и насмѣшки считаютъ даже признакомъ прогресса и культурности, признакомъ образованности.

Недоучившіеся верхогляды, мнящіе себя въ своемъ высокоуміи мудрецами вѣка сего, усиленно проводятъ свои поверхностно-неосновательныя взгляды на вѣру и жизнь. И благодаря, во первыхъ, безсовѣстности средствъ (вѣдь „цѣль оправдываетъ средства“), употребляемыхъ этими людьми, а во вторыхъ, благодаря темнотѣ и безграмотству простаго народа, который тѣхъ людей, которые учились когда нибудь „чему нибудь и какъ нибудь“, въ простотѣ сердечной считаетъ „учеными и знающими все“, — холодность къ вѣрѣ своей проникаетъ уже и въ среду простыхъ людей.

Но падаетъ вѣра — падаетъ и нравственность, потому что основаніе нравственности *только* въ религіи. Человѣкъ невѣрующій не можетъ быть вполне нравственнымъ, а тѣмъ болѣе, если онъ полуграмотный, непросвѣщенный каковымъ почти сплошь является населеніе деревни, а также и бѣднѣйшая часть городскихъ жителей.

И вотъ поэтому то мы стали свидѣтелями того,

о чемъ въ деревнѣ раньше и не думали... Издѣвательства, побои и даже убіеніе родителей, какая то звѣрская озлобленность другъ къ другу въ жизни общественной, совершенное равнодушіе къ дѣламъ, касающимся общаго блага и слишкомъ усердная забота лично о себѣ.. Суды изъ за пустяковъ, ссоры, драки, убійства—нерѣдко безпричинныя. Много, много кровавыхъ и гнойныхъ язвъ въ настоящее время удеревни и много нужно силъ, усердія и самоотверженнаго труда со стороны истинныхъ просвѣтителей, а не самозванныхъ, чтобы уврачевать эти язвы.

Такимъ образомъ, современная жизнь стала слишкомъ тяжела. Въ особенности для человѣка съ чуткимъ, вѣрующимъ сердцемъ. Утомляясь физически отъ ежедневныхъ работъ, распатываясь и ослабѣвая нравственно отъ непрерывныхъ заботъ и тяжелыхъ жизненныхъ условій, человѣкъ въ концѣ концовъ до неузнаваемости истреплется душою. Въ жизни нашей вѣдь такъ мало отрадныхъ, свѣтлыхъ дней... И если бы ни вѣра наша, святая истинная православная вѣра, то было бы отъ чего придти и въ отчаяніе.

Но и вѣра подъ вліяніемъ отчасти житейскихъ условій, а отчасти и тлетворныхъ вѣяній, ослабѣваетъ въ насъ. И для возгрѣванія въ себѣ вѣры такъ необходимо бываетъ хоть изрѣдка, хоть на нѣсколько дней оторваться отъ угнетающей жизненной сутолоки, хоть немного приблизиться къ Богу, послуживъ Ему въ душѣ и тѣлѣ безраздѣльно, а не урывками, какъ въ обыденной жизни.

И вотъ съ этими цѣлями—во первыхъ дать нравственный отдыхъ душамъ людей, всю жизнь свою проводящихъ въ тяжеломъ трудѣ, дать возможность хоть на нѣсколько дней разогнуть свои согнутыя непрестаннымъ трудомъ спины, для того, чтобы дать возможность свободно, не отрываясь, возвести „очи свои въ горы“—на небо, къ Богу, а во вторыхъ, съ цѣлью поднятія, развитія

и укрѣпленія религіозности въ душахъ Богомъ данной миѣ паствы, я при помощи Божіей и съ Святительскаго благословенія Преосвященнѣйшаго Владыки Димитрія, организовалъ изъ своихъ прихожанъ крестный ходъ—паломничество на Братское военное кладбище г. Севастополя и въ обители—Инкерманскую и Херсонисскую.

8 мая, среди ночной тишины, въ 2 часа пополудни съ колокольни нашего св. храма раздался звонъ, созывающій участниковъ крестнаго хода. Несмотря на садовые работы, на крайнюю скудость средствъ, вслѣдствіе двухъ послѣдовательныхъ неурожаевъ, до 250 душъ изъ с. Мангушъ пожелали принять участіе въ этомъ благочестивомъ путешествіи.

Въ 3^{1/2} часа ночи съ пѣніемъ тропаря св. ап. Петру и Павлу вышли мы изъ своего святаго храма послѣ краткаго молебна со св. крестами, хоругвями и иконами по направленію къ ст. Бахчисарай.

Въ рукахъ всѣхъ паломниковъ горѣли свѣчи. Едва мы вышли изъ храма, какъ насъ охватила ночная тишина, нарушаемая лишь пѣніемъ священныхъ пѣснопѣній... Востокъ чуть чуть алѣлъ... Какъ хорошо было! Видѣть вокругъ себя оживленные, прямо сказать одухотворенныя, лица, на которыхъ часто блестѣли слезы умиленія, видѣть эту какую то особенную сосредоточенность, чувствовать какую то неописуемую радость,—о, это слишкомъ благостныя переживанія! Слава Тебѣ, Господи, слава Тебѣ!

Вспомнилось и то, что въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, по которымъ мы теперь идемъ, свободно воспѣвая Христа, лѣтъ 150—200 тому назадъ, лились слезы и даже кровь мучениковъ плѣнныхъ русскихъ людей, изнывавшихъ въ плѣну татарскомъ. Упокой, Господи, ихъ души!

Дорогою мы служили утреню. Возгласъ „Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ“ раздался какъ

разъ въ тотъ моментъ, когда солнце освѣтило вершины горъ... Потомъ служили часы, освятили воду въ одномъ источникѣ противъ грозныхъ скалъ умершаго города Чуфуть-Кале.

Противъ воротъ св. Бахчисарайской обители была отслужена заздравная литія о братіяхъ св. обители.

Стройно и чинно, съ непрестаннымъ пѣніемъ прошли мы черезъ древнюю столицу крымскихъ хановъ, гдѣ прежде господственно сіялъ полумѣсяцъ, раздавался лишь заунывный призывъ муэдзина, слышался лишь татарскій говоръ, а нынѣ торжествуетъ св. крестъ, хотя и обуреваемый, но твердо стоящій, торжественно, величественно и властно раздается пѣснопѣніе православное.

Въ залѣ III класса ст. Бахчисарай былъ отслуженъ молебенъ, а тѣмъ временемъ подошелъ поѣздъ, въ составѣ котораго, по ходатайству начальника отдѣленія Южныхъ ж. д. граффонъ О' Руркъ, были и предоставленные исключительно для насъ, паломниковъ, десять вагоновъ

Поѣдомъ мы ѣхали до ст. Мекензиевы горы, откуда и началось наше торжество. Торжество вѣры, торжество любви христіанской и братскаго единенія.

Когда поѣздъ подходилъ къ станціи, мы были поражены, растроганы до слезъ, глубоко взволнованы и несказанно обрадованы приготовленною намъ встрѣчею...

При подходѣ поѣзда, до нашего слуха донеслись дивные звуки чуднаго гимна „Коль славень“... Это игралъ оркестръ Севастопольской крѣпостной артиллеріи, командированный намъ навстрѣчу Его Превосходительствомъ, командиромъ Севаст. крѣпостной артиллеріи генер.-маіоромъ Георгіемъ Петровичемъ Каркашвили

Толпы народа заполняли не только весь перронъ станціи, но виднѣлись еще далеко за предѣлами станціонныхъ зданій. Здѣсь были и офицеры,

и солдаты, --которыхъ комендантъ крѣпости генер.-лейт. Ананьинъ освободилъ на день нашего прибытія отъ занятій—тѣхъ изъ нихъ, кто пожелалъ бы выйти навстрѣчу нашему крестному ходу. Было много людей интеллигентныхъ, богатыхъ, но больше всего было людей простыхъ, для которыхъ нѣтъ радости выше радости Христовой.

Во главѣ встрѣчавшихъ былъ досточтимый и горячо любимый настоятель церкви Братскаго кладбища о. Владиміръ Херсонскій, который такъ много потрудился для организаціи встрѣчи нашего крестнаго хода, который все время нашего пребывания въ Севастополь, —четыре дня, —заботился о размѣщеніи и продовольствіи паломниковъ.

Добрый о. Владиміръ и добрые севастопольцы съ такою радостью, впрочемъ, приняли насъ, размѣстили и кормили-поили, съ такою братскою любовью это дѣлали, что не хватаетъ даже и словъ благодарности.

Братски облобызавшись съ о. Владиміромъ и похристосовавшись со всѣми встрѣчавшими насъ, я со своимъ крестнымъ ходомъ присоединились къ встрѣчавшему насъ крестному ходу съ Братскаго кладбища.

Величественное и торжественное, и вмѣстѣ съ тѣмъ, умирительное до слезъ было это шествіе. Никакое перо не въ состояніи описать того, что мы переживали въ эти святыя и свѣтлыя минуты. На душѣ былъ свѣтлый праздникъ. Забылось то, что почти всю недѣлю, проведенную въ хлопотахъ по устройству крестнаго хода, не пришлось и отдохнуть, забылось и то, что двѣ послѣдніе ночи были проведены совершенно безъ сна, забылась и тягость житейская—жизненные терніи, —недостатки, заботы, болѣзни души и тѣла.

Многочисленные толпы народа, разсѣявшіяся по историческимъ, политымъ кровью русскою, холмамъ, стройное пѣніе соединенныхъ хоровъ.—нашего и Братскаго кладбища, попеременно съ мощ

ными звуками „Коль славень“, радостно возбужденныя лица паломниковъ, лѣсъ сверкающихъ своими крестами отъ яркихъ солнечныхъ лучей хоругвей, чистое голубое небо, безпредѣльная ширь и гладь Чернаго моря,—все это неволью отрывало нашъ духъ отъ грустной юдоли земной и возводило въ Горняя.. Нельзя было удержаться отъ благодѣльныхъ слезъ.

Вскорѣ къ крестному ходу подошелъ генералъ-майоръ Г. П. Каркашвили, своимъ содѣйствіемъ много содѣйствовавшій торжественности нашего паломничества.

Раздался торжественный трезвонъ: это Братское кладбище привѣтствовало насъ, скромныхъ паломниковъ.

Когда мы вошли въ величественный храмъ Братскаго кладбища, настоятель сей церкви о. Владиміръ Херсонскій привѣтствовалъ насъ трогательною и простою, задушевною рѣчью, въ которой поздравлялъ насъ съ исполненіемъ нашего благочестиваго желанія, указывалъ на тѣ особо-радостныя чувства, которыя такъ дороги для каждаго христіанина и которыя мы нынѣ переживаемъ.

Я отвѣтилъ о. Владиміру словами теплой благодарности за пріемъ, пріемъ торжественный, трогательный, свидѣтельствующій, что высока и крѣпка еще вѣра Христова на Руси, если городъ, въ которомъ дѣйствовали и дѣйствуютъ многія темныя силы, такъ торжественно, такъ радостно встрѣчаетъ насъ.

Послѣ молебна и панихиды на могилѣ недавно (въ началѣ марта) скончавшейся супруги о. Владиміра, всѣ разошлись на отдыхъ.

Всенощное бдѣніе 8-го мая, наканунѣ храмоваго праздника, мы—паломники слушали въ церкви Братскаго кладбища, а также и литургію въ самый праздникъ. Литургію совершалъ благочинный военнаго духовенства протоіерей о. Романъ Медвѣдь, сослужили ему—о. Владиміръ Херсон-

скій и я. Пѣли два хора—Братскаго кладбища и нашъ, Мангушскій. На литургіи говорилъ поученіе—о воскресеніи Христовомъ и его значеніи какъ въ жизни міровой, такъ и въ жизни cadaго отдѣльнаго человѣка,—уѣздный миссіонеръ Д. В. Діаковскій.

На слѣдующій день, 10 мая въ 6 часовъ утра вышли мы изъ церкви Братскаго кладбища въ Инкерманскій монастырь. Шелъ дождь. Но развѣ есть такая сила, развѣ есть такія препятствія, развѣ существуютъ такія условія, которыя могли бы омрачить радость вѣрующаго сердца, могли бы затемнить наше торжество, нашъ пиръ вѣры и любви, могли бы остановить насъ въ нашемъ шествіи? Бодро и весело шли мы подъ дождемъ, промокшіе до костей по историческимъ горамъ, изрытымъ траншеями, батареями,—остатками укрѣпленій отъ Крымской войны. Ни на минуту не умолкало пѣніе. Не видно было недовольныхъ лицъ, не слышно было сѣтующихъ словъ. Всѣ были довольны, всѣ были радостны.

(Окончаніе будетъ).

Крестный ходъ изъ с. Мангушъ въ Севастополь—Херсонисскій и Инкерманскій монастыри.

(Продолженіе).

Вотъ, наконецъ, и скалы Инкермана. Издали виденъ величественный соборъ сооруженный въ древней Генуэзской крѣпости. Къ этому времени пересталъ и дождь, полились яркіе лучи солнца, деревья, освѣженные дождемъ стали ярко зелеными, защебетали птички, словно присоединяясь къ нашему славословію общаго всѣхъ Творца.

Изъ св. обители послышался трезвонъ: то братія монастырская со своими святынями выходила къ намъ навстрѣчу.

Встрѣтившись и братски облобызавшись съ священно служителями обители, двинулись мы къ монастырю.

Въ главномъ монастырскомъ храмѣ св. Николая была совершена Божественная литургія. Во время причащенія произнесъ слово. Изобразивъ святость мѣста сего, сравнивъ его съ мѣстомъ Неопалимой Куцины въ Ветхомъ завѣтѣ, я увѣщевалъ слушателей, наполнявшихъ обширный храмъ, хранить твердость въ вѣрѣ, не колебаться и не увлекаться „всякимъ вѣтромъ ученія, по лукавству чловѣковъ, по хитрому искусству оболщенія“ (Еф. 4 глава, 14 стихъ), ибо вѣра наша—единственная святая и истинная, она утверждена Кровью христовою, за не пролили кровь св. апостолы св. мученики и святой первомученикъ Тавриды—Климентъ, Папа Римскій, на мѣстѣ молитвенныхъ трудовъ и по-

двиговъ коего мы сподобились побывать и помолиться.

Послѣ литургіи всѣмъ путникамъ радушная братія св. обители предложила чай.

Отдохнувъ немного и поблагодаривъ радушнаго хозяина обители, ея, можно сказать, создателя,— достопочтеннаго о. Архимандрита Такова, мы отправились обратно на Братское кладбище.

Въ 7 часовъ вечера, не взирая на утомленіе отъ цѣлодневнаго путешествія, о. Владиміръ, я и большая часть моихъ прихожанъ отправились на миссіонерскую бесѣду въ Народный домъ. Бесѣду („о праздникахъ“) велъ миссіонеръ Д. В. Діаковский, умѣлою постановкою какъ вообще бесѣды, такъ въ частности и вопросовъ, буквально заградившій уста заблудшимъ отъ пути истиннаго сектантамъ, которыхъ на бесѣдѣ было очень много,— но никто не выступилъ съ возраженіями по существу. Видно нашимъ фарисеямъ-сектантамъ „обрѣтшимъ истину“, гораздо удобнѣе ловить простаковъ втихомолку, потаенно, „страхъ ради обличенія миссіонерскаго“, а на публичную защиту своихъ убѣжденій они не годятся. Но почему же? Вѣдь, если они такъ убѣждены въ истинѣ своего исповѣданія, то они должны пользоваться случаемъ публично, всенародно доказать ее, а если не убѣждены, а это видно такъ, ибо почему же не защищаютъ они всенародно своихъ убѣжденій,— то доколѣже они будутъ хромать на оба колѣна? Вѣдь истина свѣта не боится. Зачѣмъ же они свою истину проповѣдуютъ наединѣ, среди безграмотныхъ и малограмотныхъ? Видно рыбку то лучше ловить въ мутной водицѣ, а не при свѣтѣ электричества.

Правда, пробовалъ было возражать г. миссіонеру (совершенно не по существу поставленныхъ вопросовъ) одинъ несчастный, но поистинѣ жалка и несчастна была его защита! Она убѣдительнѣе всякихъ рѣчей показала всю несостоятель-

ность штундо-баптистскихъ измышлений. Бѣдные русскіе люди! Какъ же замутили вамъ глаза и умъ разные нѣмецкіе проходимцы. Живите лучше своимъ умомъ, не питайтесь рожцами гнилого Запада.

Въ перерывахъ пѣлъ нашъ Мангушскій хоръ подъ рѣдко-умѣлымъ управленіемъ псаломщика нашего Н. Т. Кутищева, человѣка горячо преданнаго своему дѣлу и очень цѣннаго и полезнаго для службы св. церкви.

Затѣмъ, г. Діаковскій предложилъ и мнѣ сказать что нибудь въ назиданіе слушателямъ бесѣды, переполнявшимъ народный домъ.

Я говорилъ о современномъ невѣріи *),—о его причинахъ, слѣдствіяхъ и несостоятельности, а въ заключеніе сказалъ, что и вѣра то самая должна быть по Апостолу „едина“, безъ дробленій на „Павловыхъ, и т. д. (1 Кор. 1, 12). Въ заключеніе мы вознесли Господу Богу мольбу о утвржденіи и сохраненіи въ вѣрѣ вѣрныхъ чадъ Церкви, объ укрѣпленіи колеблющихся и обращеніи заблудшихъ, при стройномъ пѣніи нашимъ хоромъ особо милительнымъ напѣвомъ „Подай, Господи.“

Поздно ночью возвратились мы домой и долго еще бесѣдовали съ о. Владиміромъ о томъ, какъ много жатвы и какъ мало дѣлателей.....

А въ $3\frac{1}{4}$ V-го утра уже раздался звонъ, призывавшій паломниковъ въ храмъ, и въ $1\frac{1}{2}$ VI-го мы вышли съ Братскаго кладбища. Цѣль нашего сегодняшняго (11-го мая) путешествія была—посѣщеніе купели св. князя Владиміра—Херсонесскаго монастыря.

Намъ нужно было переѣхать съ Сѣверной стороны на Южную. И здѣсь къ намъ на помощь пришелъ отзывчивый на все доброе и самъ принимавшій непосредственное участіе въ крестномъ ходѣ

---

*) Рѣчь будетъ отпечатана въ одномъ изъ ближайшихъ № Ц.-общ. вѣстника.

начальникъ Севастопольской крѣпостной артиллеріи Генераль-маіоръ Георгій Петровичъ Каркашвили, да дасть ему Господь многолѣтія, силъ и здоровья на его многотрудномъ посту. По его приказанію, въ распоряженіе паломниковъ были предоставлены два казенныхъ парохода и двѣ баржи. Посадкою паломниковъ на суда завѣдывалъ завѣдующій хозяйствомъ крѣпостной артиллеріи полковникъ Витте, своею распорядительностью предупредившій возможность суеты, давки и, изъ бави Богъ, несчастій.

Чудное это было зрѣлище: по глади водъ Севастопольской бухты шли четыре судна, переполненныя народомъ. На каждомъ изъ пароходовъ были святыни и пастырь, окруженные густою толпою паломниковъ. Съ обоихъ пароходовъ слышалось пѣніе, часто переходившее въ общее. Одинъ изъ броненосцевъ эскадры, — кажется „Пантелеймонъ“ бывшій „Потемкинъ“, мимо котораго мы близко проходили, отдалъ нашимъ святынямъ честь спущеніемъ флага.

На Артиллерійской пристани, несмотря на ранній часъ (немного больше VI ч. утра) насъ ждали *тысячныя* толпы народа (Съ нами въ Херсонесской монастырь шло не менѣе четырехъ—пяти тысячъ народа) Здѣсь же ожидалъ насъ и оркестръ 13-й арт. бригады, вновь командированный генераломъ Каркашвили, былъ и самъ генераль.

Вновь полился мощные, чарующіе звуки. „Коль славень“, вновь стройно и величественно зазвучали пѣснопѣнія, вновь душа рвалась изъ тѣсной оболочки тѣлесной въ высь, туда, гдѣ Престоль Божій окружають Херувимы и серафимы. Толпы народа запрудили улицы, по которымъ медленно двигалось наше шествіе. Порядокъ, благодаря распорядительности полиціи, командированной покойнымъ градоначальникомъ Кульстремомъ (царство ему небесное!), былъ образцовый. Движеніе—трамвайное, автомобильное и конное—было

остановлено. Шли мы, съ любезнаго разрѣшенія коменданта крѣпости генераль-лейтенанта Ананьи-на, черезъ крѣпость, — такъ было много ближе.

Радостно встрѣчало насъ населеніе тѣхъ мѣстъ, гдѣ мы проходили, а въ мѣстахъ расположе-ніе войсковыхъ частей стояли офицеры и нижніе чины.

Медленно приближалось наше многолюдное шествіе къ Херсонесскому монастырю.

Вотъ черезъ бухту ясно, какъ на ладони обрисовалась вся обитель съ грандіознѣйшимъ величественнымъ соборомъ. Ближе и ближе св. обитель... Вотъ и развалины древняго Херсониса... Раздался торжественный трезвонъ. Въ вратахъ обители встрѣтилъ насъ маститый настоятель Преосвященный Иннокентій съ братією и мона-стырскими святынями.

Въ соборѣ владыка Иннокентій изволилъ совер-шить Божественную литургію и молебень послѣ оной. Въ числѣ сослужащихъ Владыки были о. Владиміръ и я

Большинство изъ моихъ прихожанъ, если не всѣ, никогда не видѣли Архіерейскаго богослуже-нія... Кто же сможетъ описать чувствованія, пере-житыя простецами изъ заброшенной въ горахъ Мангушской вѣси при видѣ величественнаго, сіяющаго золотомъ и серебромъ собора, кромѣ богатства и размѣровъ своихъ поражающаго еще и своею необыкновенною чистотою, заботливо хранимого братією св. обители. Что чувствовали они при видѣ торжественнаго, благолѣпнаго Архі-ерейскаго служенія? При видѣ Святителя Божія, старца Иннокентія съ особымъ, невольно сообщаю-щимся и сослужащимъ и молящимся, умиленіемъ совершающаго Божественную службу... Если я, ихъ недостойный пастырь, многократно видѣвшій и соборъ сей, многократно видѣвшій и самъ уча-ствовавшій въ архіерейскомъ богослуженіи, если я

въ глубинѣ души своей восклицалъ: „Господи, на небѣ или на землѣ я“,—то что чувствовали они?

Слава Богу, благодателю нашему! Земной поклонъ, преисполненный благодарности нашему благостному Владыкѣ, Преосвященнѣйшему Димитрію за его милостивое разрѣшеніе на наше паломничество! Да продлитъ Господь Вседержитель дни маститаго старца Святителя Иннокентія за его радушный приѣмъ и за торжественную встрѣчу.

И въ Херсонисской обители братія позаботилась о подкрѣпленіи тѣлесныхъ силъ путниковъ.

Послѣ отдыха и чая, предложеннаго путникамъ за особо устроенными къ нашему приходу столами, а намъ съ о. Владиміромъ въ покояхъ Преосвященнаго Иннокентія, мы отправились обратно черезъ городъ Севастополь уже во свояси, къ роднымъ нивамъ и домамъ. До воротъ обители насъ сопровождалъ Владыка Иннокентій. Принявъ послѣднее Архипастырское благословеніе, двинулись мы въ путь.

(Окончаніе будетъ).

Крестный ходъ изъ с. Мангушь въ Севастополь—Херсонисскій и Инкерманскій монастыри.

[(Окончаніе)].

Наше паломничество подходило къ концу. Переѣхали мы на казенныхъ судахъ обратно на Сѣверную, прошли мимо Братскаго кладбища подъ несмолкаемый гулъ колоколовъ церкви сего кладбища. Путь нашъ былъ къ станціи Мекензіевы горы, гдѣ ждалъ насъ поѣздъ. Добрѣйшій о. Владиміръ и дорогіе Севастопольцы со святынями Братскаго кладбища провожали насъ до станціи.

Наступила минута братскаго прощанія. Незамѣтно пролетѣли четыре свѣтлыхъ дня... Впереди опять повседневныя житейскія заботы, хлопоты и невзгоды... Не хотѣлось разставаться... Вѣдь такъ хорошо, *тепло* было эти четыре дня...

Я обратился къ провожавшимъ насъ съ пространною рѣчью, въ которой искренно, отъ всей души благодарилъ дорогого о. Владиміра и возлюбленныхъ Севастопольцевъ за все, сдѣланное для насъ. Говорилъ, что не можемъ мы отблагодарить ихъ словами,—ибо не хватитъ и словъ для выраженія благодарности, врядъ ли сможемъ отблагодарить ихъ и дѣлами,—взаимнымъ приемомъ, когда они придутъ къ намъ (Крестнымъ ходомъ по направленію въ Косьмо-Даміановскій женскій монастырь севастопольцы идутъ черезъ с. Мангушь), а будемъ благодарить ихъ тѣмъ, что непрестанно въ своихъ недостойныхъ молитвахъ будемъ молиться и о братьяхъ нашихъ, насъ радушно и радостно встрѣчавшихъ, оставившихъ на все это время и свои

жителей дѣла, что особенно трудно для городских жителей. „Итакъ, дорогіе, закончилъ я, — только молитвою мы и сможемъ отблагодарить васъ, и эта молитва свяжетъ насъ узами любви гораздо сильнѣе и крѣпче всякихъ другихъ узъ. Отвѣтствуйте же и вы молитвою за любящихъ васъ“.

О. Владиміръ въ своей отвѣтной рѣчи по своему глубокому и искреннему смиренію отклонялъ отъ себя нашу благодарность, вознося ее къ Богу, и просилъ запомнить насъ, что все, что ни дѣлалось для насъ, — дѣлалось отъ чистаго сердца. Спасибо о. Владиміру, спасибо и добрымъ севастопольцамъ!

Не могу умолчать объ одной трогательной картинѣ, произшедшей тогда же. Она свидѣтельствуешь о томъ глубокомъ довѣріи, которое пріобрѣтаетъ пастырь отъ непосредственнаго общенія съ пасомымъ. Воспользовавшись тѣмъ, что я нѣсколько отдѣлился отъ народа, одна молодая женщина (жительница г. Севастополя) съ измученнымъ лицомъ подвела ко мнѣ двоихъ дѣтей своихъ и, рыдая, повѣдала мнѣ многое такое изъ своей жизни, что, по ея словамъ, она и духовнику на исповѣди не могла говорить... Сказала наконецъ, что мужъ ея, довольно обезпеченный человѣкъ, потерялъ вѣру въ Бога, сталъ отъявленнымъ атеистомъ, а ее преслѣдуетъ за исполненіе религіозныхъ своихъ потребностей, — не даетъ молиться, поститься, ходить въ церковь... Но, сказала она, мужъ, преслѣдуетъ меня за вѣру, а Господь Богъ наказываетъ и его и меня за его невѣріе: у насъ трое дѣтей, — одинъ родился тогда, когда мужъ былъ еще вѣрующимъ человѣкомъ, — ребенокъ вполне здоровъ и нормаленъ. Другой родился, когда мужъ колебался въ вѣрѣ, — этой нѣмой, но не глухой, а третій родился уже тогда, когда мужъ совершенно потерялъ вѣру въ Бога — онъ глухонѣмой...

Я, конечно, посоветовалъ ей рассказать все это своему пастырю, а о мужѣ, о ней и дѣтяхъ

обѣщаль молиться, что слава Богу и исполняю. Прошу также всѣхъ кто будетъ читать эти строки вознести Господу Богу теплую молитву объ обращеніи заблудшаго Саввы, объ утоленіи скорби скорбящей Евдокіи и о исцѣленіи младенцевъ—Василія и Иоанна.

Вотъ она—вѣротерпимость г.г. атеистовъ, сбивающихъ людей съ толку тѣмъ, что будто бы ко всѣмъ религіямъ они относятся терпимо, ибо „религія частное дѣло каждаго человѣка“. А своей женѣ этотъ несчастный отщепенецъ не позволяетъ даже и молиться. Гдѣ же ваша свобода, лицемѣры и обманщики? Жалкіе, несчастные люди!

Наконецъ, сѣли мы въ поѣздъ и, осѣняемые св. крестомъ, тронулись въ обратный путь. Опять шли по г. Бахчисараю, воспѣвая утомленными устами, но оживленнымъ сердцемъ Господа, сподобившаго насъ послужить ему въ эти незабвенные дни.

Поздно вечеромъ возвращались мы домой. А здѣсь насъ ждала новая радость: замѣнявшій меня на время крестнаго хода о. Василій Зима съ довольно многочисленной толпою остававшихся дома прихожанъ, съ хоругвями и крестами, вышелъ къ намъ навстрѣчу верстъ за пять.

Путешествіе наше окончилось. Удивляться нужно, откуда у насъ брались силы? Отдыхать приходилось очень мало,—все время на ногахъ, спать почти не приходилось, но между тѣмъ, особой усталости послѣ четырехдневнаго путешествія не чувствовалось. Вѣдь сила Божія „въ немощахъ совершается“ (2 Кор. XII, 9 ср. Римл. VIII, 26).

О томъ, какое впечатлѣніе, какое дѣйствіе произвелъ совершенный нами крестный ходъ на моихъ прихожанъ, лучше всего свидѣтельствуешь то обстоятельство, что тѣ, которые по разнымъ причинамъ (были и скептики: зачѣмъ идти, для чего, лишніе расходы, трата времени и т. д.) не принимали участія въ нашемъ крестохожденіи, за-

явили, что если Богу будетъ угодно и Владыка разрѣшить и на будущее время совершить крестный ходъ, то дома они ужъ ни за что не останутся. И съ увѣренностью можно сказать, что пойдетъ тогда не 250 человекъ, а втрое, вчетверо больше.

Дай же, Господи, многолѣтняго благополучія всѣмъ тѣмъ добрымъ людямъ, которые содѣйствовали торжественности, благолѣпію и порядку нашего крестнаго хода,—дорогому о. Владиміру Херсонскому, Генераламъ-Каркашвили,—особенно много сдѣлавшему для насъ, Ананьину,—коменданту крѣпости, графу О' Руркъ; полковнику Витте и всѣмъ,—дѣломъ или словомъ способствовавшимъ намъ.

Спасибо Преосвященному Владыкѣ Иннокентію и о. Архимандриту Іакову,—да дастъ имъ Господь, Подвигоположникъ нашъ тѣлеснаго здравія и душевнаго спасенія.

Да сохранитъ Господь и моихъ возлюбленныхъ чадъ духовныхъ—мангушанъ, отзывчиво откликнувшихся на призывъ своего пастыря. Да дастъ имъ Господь тихую, мирную и спокойную жизнь, довольство въ земныхъ благахъ и вѣчное спасеніе.

Воздай, Господи, за насъ и добрымъ севастопольцамъ, огради и сохрани ихъ отъ всякаго зла.

Въ заключеніе приведу всемилостивѣйшую резолюцію нашего добраго и любвеобильнаго Архипастыря, Преосвященнѣйшаго Владыки Димитрія, послѣдовавшую на рапортѣ моемъ о совершеніи крестнаго хода: „Слава, честь и благодареніе Богу, дарующему намъ утѣшеніе!

Честъ и слава..... и жителямъ села Мангушъ за принятый на себя и, милостію Христовой, святосовершенный подвигъ. Слава, честь и благодареніе Преосвященнѣйшему Иннокентію, всѣмъ г.г. начальникамъ, дорогому о. Владиміру Херсонскому, о. Архимандриту Іакову, оказавшимъ вниманіе крестоносцамъ и

раздѣлившимъ святыя изъ молитвы. Помоги намъ, Господи, всегда и при всѣхъ хвалить, прославлять и исповѣдывать Твое Пресвятое Имя и сщщенными торжествами наполнять сердца, Твоею благодатию освященныя и освящаемыя, миромъ, радостію и любовію⁴.
(Резол. Архип., отъ 24 іюня с. г. № 4545)

Слава, честь, благодареніе и земной поклонъ, преисполненный сыновней благодарности Его Преосвященству, Всемилостивѣйшему Архипастырю, Димитрію, Епископу Таврическому и Симферопольскому за милостивое разрѣшенію нашего паломничества и за любовное къ намъ отношеніе и высокое вниманіе.

Ис-полла-эти-деспота!

Священникъ Андрей Кореневъ